

Тему Великой Отечественной войны можно назвать сквозной в творчестве писателя В. А. Титова. В той или иной мере она находит отражение в большинстве его произведений. Литературно-критические работы М. Слабошпицкого, Г. Ермаковой, Г. Довнара, Н. Малахуты, письма В. Титову известных писателей, читательские отзывы позволяют судить о том, что страницы творчества В. Титова, посвященные теме войны, не остались незамеченными.

Обращение писателя к этой теме определено прежде всего его личной причастностью к поколению, испытавшему на себе тяготы военного времени. Его детство было опалено войной. «Деревенский паренек из Липецкой области, как писал М. Слабошпицкий, шел в большую взрослую жизнь, неся в своей памяти тяжелый груз воспоминаний о лишениях и тяготах военных и послевоенных лет, о недетских трудах и заботах, что легли на детские плечи его поколения – поколения сирот и раненых душ. На экране обожженной памяти – прощание с уходящими на фронт посуровевшими отцами, поезда, уходящие на войну, виноватые взгляды почтальонов, приносящих «похоронки», тревожный голос Левитана, заглушаемый резким треском в стареньком репродукторе, отчаяние долгих

вечеров, когда сердце жжет холодная неизвестность, что же сейчас там, на фронте, – и наконец! – май сорок пятого, День Победы, «праздник со слезами на глазах» [1, с. 5].

Жизненный путь будущего писателя критик находил типичным путем сына его поколения, поколения «детей войны», рано повзрослевших и возмужавших, которое заменило в трудовом строю не вернувшихся с фронта мужчин.

Свою причастность к поколению «детей войны» остро ощущал и сам писатель. В 80-е годы прошлого века в литературных спорах высказывалась мысль, что пора отказаться от доминанты общности поколений. Человек важен сам по себе, а в какое время он жил, роли не играет. В. Титов так отреагировал на эти новые веяния: «Такой взгляд на литературный персонаж, сформировавшийся вне времени, мне не понятен. Как же тогда быть с нами, мальчишками военной поры, которых объединили перенесенные лишения, наложившие характерный отпечаток на всю нашу оставшуюся жизнь? Как быть с поколением наших отцов, людей, «попластунски пропахавших пол-Европы», вынесших неимоверные трудности войны, кровью скрепивших свое братство? Нет, абстрактный вневременной герой никому не нужен» [2, с. 3].

Писатель ощущал свою кровную связь с поколением, к которому относился уже самим фактом рождения в предвоенные годы и для которого жизненным ориентиром стали их отцы и братья, изгнавшие врага с родной земли. Что помогло народу объединить свои силы, выдержать в жестоком противостоянии и победить – это главный вопрос, на который он ищет и находит ответы на страницах своих произведений о войне.

Обращаясь к теме Великой Отечественной войны, В. Титов опирается прежде всего на свои жизненные впечатления. Это детские воспоминания о военном лихолетье, всенародная летопись Великой Отечественной, с которой он знакомился что называется из первых уст – от отца, односельчан, вернувшихся с полей военных битв. Глубокий след оставили и книги, написанные мастерами художественного слова по горячим следам пережитых народом трагических событий, публикации в периодических изданиях. Личный опыт армейской службы – тоже не лишнее подспорье для того, чтобы в полной мере понять и оценить подвиг солдата в страшном противостоянии фашистским захватчикам и суметь рассказать о нем.

В повести «Грезы старого парка» – последнем произведении, опубликованном при жизни автора – концентрированно представлены те стороны военного и связанного с ним послевоенного времени, к которым он не раз обращался в своем творчестве. Сверхзадачу обращения писателя к военной теме обозначил еще на начальном этапе его писательской деятельности Н. Малахута: «Все подчинено главной цели: просветить сегодняшним, как рентгеном, души и мысли представителей разных поколений с вершины того, что выбороли наши отцы в Великой Отечественной войне» [3]. Эту сверхзадачу решает В. Титов и в своей последней повести. Решает остро, полемично, прибегая к широким философским обобщениям.

Раскрывает тему войны в повести В. Титов многогранно, многовекторно, она проходит через судьбу парка, судьбы героев, разрабатывается в разных сюжетных линиях, звучит в диалогах персонажей и авторских размышлениях. И потому эта тема требует широкого всестороннего исследования. В данной статье мы попробовали выявить жизненные реалии, нашедшие отражение в образе героя повести – Григория Новикова, определить особенности их авторской интерпретации, обозначить связь с другими его произведениями, в которых отражена тема Великой Отечественной войны.

Повесть – раздумье о нравственных основах человеческого бытия, полемически остро звучит в ней проблема памяти о подвиге военного поколения, ответственности молодых за сохранение генетического кода, вобравшего опыт и традиции народа, сумевшего отстоять свою волю и независимость. Подвиг солдата и отношение к нему потомков являются той нравственной мерой, которой поверяет автор все происходящее в современном мире. Не случайно одним из главных образов в повести является Каменный солдат.

Каменный солдат – памятник, установленный в парке. Появление этого образа в повести, как камертон, настраивает читателя на философское осмысление темы воинского подвига народа в годы Великой Отечественной войны. Этот тон задан в авторском описании памятника в первой главе: «...в самом центре парка, среди белых берез, застыл в вечном карауле каменный солдат с крепко стиснутым в руках автоматом. На его непокрытую голову падают листья, кружась, ложатся на плиты братских могил, и тогда кажется, что от

берез и кленов, от тополей и ясеней, исходит тихий и грустный марш, то ли это «Прощание с Родиной», а, может быть, что-то совсем иное, неведомое, чего мы просто не в силах понять. Но мелодия навевает думы о весне и осени, о жизни и смерти, о превратностях человеческих судеб. Да и не только человеческих» [4, с. 18].

Прообразом каменного солдата является памятник на братской могиле советских воинов, погибших в боях за город, установленный в луганском парке им. Горького в 1971 году. Авторы памятника – скульпторы В.Х.Федченко и Н.А.Бунин, архитектор – В.М.Дмитрук. На массивном прямоугольном постаменте, в центральной части которого изображение ордена Отечественной войны, высится четырехметровая скульптура воина с автоматом на груди, обрамленная аркой. Материал – металл и камень.

Первый памятник на месте захоронения воинов в парке был установлен в 1945 году. Работали над ним те же авторы. Художественное решение было таким: в почетном карауле замер с оружием в руках воин Красной Армии. Вся его фигура проникнута глубокой скорбью. Над ним возвышалась треугольная арка, перевитая пулеметными лентами с орденом Отечественной войны на вершине.

Общий замысел, как видим, в общих чертах изменился мало. Но в новой версии за счет крупного постамента, увеличения высоты скульптуры и закругленной арки, замены материала на железобетон и искусственный камень памятник приобрел монументальность и парадность.

В. Титов видел оба варианта памятника. Каменный солдат в повести – это памятник, который и сегодня стоит в парке им. Горького в Луганске. В повести у него один автор. Повествуя о творческих поисках скульптора при создании образа воина, писатель обыгрывает уход авторского решения от глубокой скорби в пользу жизнеутверждающей по своей сути идеи.

Скульптор – солдат, прошедший войну (как и один из авторов настоящего памятника – В.Х.Федченко), участник жестоких боев под Ельней и Сталинградом и волей судьбы оставшийся в живых, – над скульптурой работал вдохновенно. «Он почти не выходил из мастерской, ел и спал там, метаясь на стареньком сплюснутom диване в бредовых военных снах. Грезились шальные атаки под проливным свинцовым дождем, полевые лазареты с вихрем окровавленных бинтов

и могилы, могилы со скупыми фанерными звездочками по всей Европе, от Волги до Одера», – описывает автор повести его состояние. – Да, его солдат должен вобрать в себя всю их скорбь, всю боль, все их великое мужество».

Но линия, которая должна была передать его задумку, никак не удавалась:

– Потерпи, солдатик, потерпи, голубчик, – говорил человек, потюкивая молоточком. – Не такое терпел в жизни, солдат. А это просто линия, она должна быть четкой и резкой. Я должен сделать ее такой. Резкой и четкой! Бровь и подбородок. Подбородок и бровь.

А линия не слушалась, не подчинялась резцу и все изгибалась, придавая облику солдата совсем не скорбные, наоборот, мягкие домашние черты. И тогда вконец измученный художник понял, что линия не хочет застывать в омертвелой строгости, она хочет жить, утверждать эту жизнь» [4, с. 117].

В военных архивах скульптор отыскал документы погибших солдат, которые начинали атаку на город из этого парка в морозный февраль сорок третьего года. Теперь он думает, что в военных архивах должны быть фотографии. Адреса армейских частей и, может быть, даже семьи. Семейная фотография была бы очень кстати...

Архивы помогают скульптору найти героя, с которого он создает скульптурный образ защитника города. Это Григорий Новиков.

О семье, о домашних заботах болит душа Григория Новикова, защитника Отечества – героя повести, которого фронтовые дороги приведут в конечном итоге в Ворошиловград, в парк Горького. Это, безусловно, собирательный типаж защитника города, но в основу его положен образ отца писателя – Андрея Антоновича Титова. Он поселяет героя на своей малой родине – в Калиновке, близким героя придает черты своих родных, художественно осмысливает отдельные факты боевой биографии отца.

Григорий Новиков – хлебороб, корнями вросший в родную землю. Он глубоко привязан к своей матери, сестре Евдокии, горячо любит жену Анну и малолетних сыновей – Петра и Мишу. Дети стали причиной конфликта, нарушившего покой в их дружной семье. Историю этих непростых взаимоотношений повествует автор повести в главе «Каменный солдат».

«Вошла Анюта в дом Григория любимым и желанным человеком, – рассказывает нам автор повести предысторию их отношений. – Именно такой мечтала увидеть постаревшая за последние годы Мария жену своего сына: тихую, работающую, покладистую, голубоглазую, с пшеничными волосами и неброской, но крупной упругой статью. Точь-в-точь, как старшая дочь Евдокия, пять лет назад вышедшая замуж в другое село» [2, с. 107] (В. Титов наделяет свою героиню чертами матери, Анастасии Алексеевны Титовой, в девичестве Лариной. Мать передала свою красоту и характер детям по женской линии в их роду, да и сам писатель многое перенял от нее. Старшая из сестер В. Титова – Дина – была выдана замуж в другое село)

До поры до времени Аннушка жила со свекровью душа в душу. Вся сорокодворовая Калиновка завидовала их миру и согласию. Случались, правда, между свекровью и невесткой ссоры, непонимание друг друга, взаимные обиды, но вмещивался Григорий – и все становилось на свои места: голубоглазую улыбалась Анюта, переставала хмуриться свекровь.

Но было в отношении сына к родным то, что прятала мать от чужого глаза: «...сын, оставаясь наедине с матерью, раздраженно высказывал ей свое недовольствие и обвинял как зачинщицу. Мать не возражала сыну, но глаза ее тускнели, подрагивали губы, и вся она сжималась. Слеп Григорий от любви к своей Нюсеньке, да так, что и не замечал этого. Не слышал тяжких материнских вздохов, не видел ее затаенных слез» [4, с. 108].

Первенца сына, своего внука Петю, Мария с рук не спускала. Она души в нем не чаяла, любила сильнее и преданней, чем собственных детей. И внук лип к ней. А Анюта сначала тайно, потом открыто и рьяно зарекомендовала сына к свекрови. Так оказался Григорий между косою и камнем. Мать отмалчивалась, жена зло нашептывала на ухо.

Появление второго ребенка лишь усугубило ситуацию. К Мише Мария уже остерегалась подходить. Анна коршунном набрасывалась на нее, оттирала в сторону. А Григорий по-прежнему то отмалчивался, то держал сторону жены. Вступить за мать попыталась Евдокия, но это лишь привело к ссоре с братом.

А незадолго до войны Григорий Новиков похоронил мать, и на краю могилы перебирал в памяти все обиды, которые

причинил ей. После похорон он долго не мог прийти в себя. Она снилась ему почти ежедневно и всегда то плачущей, то согбенной над люльками внуков, или в огороде над кустами картошки. Дети, домашнее хозяйство и горячая пора на колхозном поле не давали ему и минутной возможности сходить на могилу матери.

И наблюдая в ночном небе Стожары, те самые, о которых ему поведала мать, утешая его, трясущегося в злой лихорадке, он с горечью размышляет: «Стожары... Они будут гореть вечно, как навсегда останется в памяти мать, ее ласка, запах волос, и теперь уже навсегда будет сидеть занозой в сердце вина перед ней за черную сыновнюю неблагодарность» [4, с. 107].

На фронт Григорий Новиков уходил одним из первых. Отдельные детали его проводов определены детскими впечатлениями писателя о проводах отца на войну. В автобиографии он пишет: «Хорошо помню тот яркий, солнечный день, когда отец уходил на фронт. Шли через поля отцветающей ржи и отец все что-то говорил маме, она молчала и почти навзрыд плакала. Кроме меня, в избе остались еще два малолетних брата и под сердцем мама носила нашу сестренку. И тот плач повисшей на шее отца матери, рванувший ушные перепонки и впервые заставивший екнуть сердце – тоже, наверное, то, с чего начиналась для меня Родина» [2, с. 2].

Эти короткие строки воспоминаний в повести разворачиваются в эпическую картину народного горя.

«Беременная третьим ребенком Анна отяжелело висла у него на шее, плача, горько причитала:

– Гришенька, дите у нас будет. Как же с ними, с тремя? Одна-то, родненький...

Белугой завывала Евдокия:

– Братушка ты мой, Гришенька, да неужто больше не свидимся? – С растрепанными волосами она упиралась макушкой в его подбородок и горько качала головой.

– Я ненадолго, мы скоро его прикончим, – срывающимся голосом говорил Григорий, отстраняя от себя женщин.

Душа его болит о земле, о доме, о родных. Он спешит дать им наказы: жене, чтоб окучила картошку, Петю оставляет за главного хозяина, просит помогать матери. На конной повозке они едут через поле, которое с колхозными мужиками пахал и сеял Григорий.

– Урожай ноне выйдет могучий, – вздыхает он. И наказывает жене: «За детьми смотри, к работе приучай. И того... поостроже, чтоб мужиками росли». Наказывает тихо, но так, чтоб слышали сыновья.

«Ты крышу не затевай без меня крыть, – беспокоится он о жене. – Вернись, потом...». Жена не может сдержать накала обуревающих ее чувств.

– Гриша, письма пиши...нам, – Анна рывком закрыла ладонями глаза, рот, задавила рвущийся из груди крик, хрипло выдохнула: – Мы ждать будем письма-то... и тебя, Гришенька.

У военкомата они сливаются с теми, кого отправляют на фронт, и провожающими.

– Двор военкомата был забит до отказа. Стояли парами и группами, тихие, пригорюнившиеся, будто там, за толстыми кирпичными стенами военного комиссариата, лежал огромный покойник и его вот-вот должны вынести на улицы для всеобщего прощания.

Знойно полыхало оплавленное июньское солнце, но все стояли с непокрытыми головами, переговариваясь шепотом, старухи крестились, присмирившие дети липли к отцам. Из здания вышел человек с красными кубиками в петлицах и громким голосом во всеобщей тишине скомандовал:

– В колонну по четыре ста-но-ви- ись!

На людей будто разом налетел ураган, перекрутил всех, закружил в каком-то диком неестественном танце с жуткими, холодящими душу воплями и вскриками. Казалось, люди обезумели и бросились друг на друга, сдавливали за плечи и шеи, тискали в объятиях до хруста в костях, покрывая все это горькими, неутешными рыданиями.

Русские мужики уходили на долгую и жестокую войну» [4, с.112-114].

В первом же бою Григорий Новиков был ранен. Принял он этот бой под Ельней.

Под Ельней был ранен отец В.Титова – Андрей Антонович. Корреспондент «Литературной газеты» Наум Мар в книге «Когда отступает смерть» в нескольких скупых строчках в духе военного донесения сумел передать суть этого боя: «В очень опасное положение попал пулеметный взвод, в который входил расчет Титова. У врага было огневое преимущество. Только двое бойцов уцелели из всего взвода» [5, с. 18-19].

В повести В. Титов подробно описывает первый бой Григория Новикова. Мы видим картину боя глазами героя. Перед нами не плакатный боец, идущий в атаку. Писатель психологически точно передает состояние солдата, впервые оказавшегося в боевой обстановке. В течение боя оно меняется и соответственно этому меняется поведение героя.

В начале боя мы видим его в тесном мелком окопчике, где, выставив винтовки с отомкнутыми штыками на бруствер, взвод ждал вражеской атаки. Перед их глазами развороченная минами, обезображенная и беззащитная земля. До тошноты душно, скатка шинели больно давила в потную, грязную шею Григория, но, напряженно вглядываясь слезящимися от пороховой гари глазами в дымную даль, он не поправлял скатку. Спереди и сзади шлепали мины, черные комья земли летели в окоп, где-то недалеко строчил пулемет, и не разобрать – чужой или свой.

Позади окопов полз командир, конопатый, белоголовый мальчишка с пистолетом в руке, осипшим голосом повторял, что приказано держаться до последнего, не отступать.

Мозг бойца четко фиксирует все происходящее – помощь командира солдату, у которого заело затвор, вой и разрыв снаряда на пшеничном поле. Страха еще нет, лишь тревожное ожидание. Страх наваливается, когда в бруствер, а потом и над его каской прилетела пуля: «Григорию вдруг до смерти захотелось спать. Рот сам, без его на то воли, растягивался до хруста в челюстях, глаза слипались, все тело обмякло, становилось мягким».

А командир, поднявшись в полный рост, повел взвод в атаку, в дымную грохочущую неизвестность. В цепи беспорядочно стрелявших бойцов Григорий видит, как кто-то выпустил винтовку, судорожно выпрямился и мешком рухнул на землю.

Показались вражеские танки. У взвода красноармейцев не было ни бутылок с зажигательной смесью, ни противотанковых гранат, только винтовки с отомкнутыми штыками. Взвод будто замер, сросся с землей, растворился в ней. Не выдержав, один из бойцов, бросив винтовку, бросился бежать, пули стрелявшего ему вслед командира не настигли труса.

Григорий уже слышал заунывный рев моторов, чувствовал, как под танками грузно содрогается земля, мелькнула

мысль, что фашисты и без единого выстрела передавят их гусеницами, как букашек. По цепи полетела команда командира – отступить в окопы.

Вернуться к исходным позициям не успели – за танками выросла густая цепь вражеской пехоты. Соседний взвод поднялся в атаку, и молоденький командир взмахом руки тоже увлек бойцов за собой. Григорий бежал, падал, стрелял не целясь. Споткнувшись, упал и теперь уже целенаправленно берет на мушку бегущего навстречу солдата, фриц падает навзничь. «Убил», – безмолвно и равнодушно отметил кто-то в мозгу Григория. С поднятым вверх пистолетом споткнулся молоденький командир, ткнулся лицом в землю и затих» [4, с. 115-116, 118].

В образе командира угадываются черты Алексея Гордеевича Еременко, младшего политрука, который в бою под с. Хорошее Славяносербского района Ворошиловградской области погиб, подняв бойцов в атаку на хлебном поле летом 1942 года. Этот подвиг запечатлел на пленку находившийся в окопе военный фотокорреспондент М. Альперт. Впоследствии этот снимок послужит основой художественного решения памятника, который в 1980 году установлен у древнего Бахмутского шляха, вблизи места последнего боя А. Г. Еременко, на возвышенности, где находился наблюдательный пункт. Он увековечил подвиг героя и воплотил в себе силу духа и беззаветную преданность Родине политработников Советской Армии. Десять лет вынашивал идею и воплощал не однажды образ политрука в своем творчестве народный художник Украины И. М. Чумак.

Историю подвига, установления личности героя, запечатленного фронтовым корреспондентом на снимке, создания памятника, подробности биографии младшего политрука, конечно же, знал В. А. Титов из публикаций «Комсомольской правды», луганской газеты «Молодогвардеец» и других изданий.

История реального человека получает в повести своеобразную интерпретацию. Подвиг политрука повторяет в его повести молоденький командир. А некоторыми чертами А.Г. Еременко писатель наделяет другого героя – Григория Новикова.

В биографии А. Г. Еременко, его характере, можно увидеть нечто общее с отцом В. Титова.

А. Г. Еременко родился 18 марта 1906 года. Рос в многодетной семье. С 14 лет начал трудиться, работал в Красноармейском районе Запорожской области на железной дороге и на заводе. В селе Тырсяны стал участником создания первого в области колхоза «Авангард», возглавил комсомольскую ячейку. По инициативе комсомольцев построили клуб, разобрав строение помещичьей экономии, что стояло за несколько километров от села.

Летом 1929 года, когда мужчины вышли на косовицу, кулаки пробрались в детские ясли, собирались повесить Евдокию Лукьяновну, работавшую здесь. Получив известие о том, что кулачье направилось на расправу, Алексей Гордеевич успел вовремя прискакать на место – кулаки успели только тесаком по руке полоснуть. Спасая жену, он и сам получил тяжелое ранение.

Вскоре Еременко назначили бригадиром. В 1935 году возглавил колхоз им. 1 мая. В 1936 году стал членом ВКП (б), был парторгом колхоза. Всем запомнилось, как по ранней весне он вытянул трактор из ледяной воды, из яра, куда въехала единственная на тот день колхозная техника по неосторожности тракториста.

Трижды колхоз был участником сельскохозяйственной выставки в Москве. Два раза делегатом на эту выставку направляли Алексея Гордеевича. Его заслуги отмечены медалью и грамотой ВДНХ.

Имея сына и двух дочерей, он усыновил девочку из детдома – Пашу Стародубцеву. Путевку в пионерский лагерь, выделенную на их семью, решили отдать приемной дочери. Когда объявилась родная мать, девочка приняла решение остаться в приютившей ее семье.

Когда началась война, Алексей Гордеевич написал заявление с просьбой отправить его на фронт. Окончил курсы политработников. В составе 247-й стрелковой дивизии защищал Запорожье, Донбасс. Около года сражался на передовой [6, с. 8-10].

Со слов В. Титова с родословной его отца знакомит корреспондент «Литературной газеты» Наум Мар:

«Дед Славы – Антон Иванович Титов в тридцатых годах, когда зарождался колхоз, не колеблясь, записался одним из первых... И трудился дед на коллективной пашне и в кол-

хозной конюшне до восьмидесяти лет. Отец Славы – Андрей Антонович – поначалу недолго батрачил, а позже, еще совсем молодым, подался в город. Строил железную дорогу, которую тянули к Новосибирску, бурил землю для водопроводов в Баку и Бухаре, пробивал в горах ложе нефтепровода, соединившего Грозный с Туапсе, наконец, рыл котлованы под электростанцию Магнитки. Когда началась война, отец ушел на фронт. И горя хлебнул немало» [5, с. 18].

Из автобиографии В. Титова конца 70-х годов мы знаем, что родился его отец в 1906 году, член КПСС с довоенного времени. Вернувшись в родное село после работы на стройках, трудился в районном центре в системе потребительской кооперации. Прошел войну, был ранен, имеет правительственные награды. Войну закончил в Будапеште и вернулся домой в августе 1945 года [7, с. 1]. Об отношении Андрея Антоновича к своей причастности к народному подвигу Наум Мар замечает: «Слава хорошо помнит солдатские рассказы отца. Во-первых, их было немного. Во-вторых, они отличались жесткой краткостью, ибо старший из ныне здравствующих под Липецком Титовых твердо убежден – и детей вырастил в этой мысли, – что службой Отечеству не похваляются» [5, с. 19].

Итак, А.Г. Еременко и А. А. Титов – одноклассники. Оба батрачили, рано начали работать, уезжали из родного гнезда, осваивали новые профессии, но оба вернулись к сельскому труду. До войны вступили в партию. Один уходит на фронт, оставив троих родных детей и приемную дочь. Второй оставляет жену с тремя малолетними детьми, четвертого она носит под сердцем. Оба глубоко привязаны к своим женам, к семье, крестьянским корням, к родной земле. Служба Отечеству для них – нравственный долг, норма.

Этими чертами характера наделяет писатель героя повести Григория Новикова. Картина его первого боя – это с одной стороны художественное осмысление рассказа отца о схватке с врагом под Ельней. Но вот место боя – поле с сожженной пшеницей – хочешь – не хочешь, а заставляет вспомнить поле, на котором совершил свой подвиг А.Г. Еременко. Свидетель последнего боя политрука Василий Степанович Вerezубчак, рассказывал о том, что накануне боя ранним июльским утром 1942 года младший политрук ходил по пшеничному полю, сокрушенно покачивая головой: тяжело

было потомственному хлеборобу видеть обгорелые, растоптанные колосья [6, с. 11]. Скупую деталь о поле с сожженными, растоптанными колосьями В. Титов трансформирует в повести в развернутую картину горячей в прямом и переносном смысле боевой рати.

«Григорий потерял счет времени. Казалось, что этому сумасшедшему бегу по сожженному полю пшеницы не будет конца и что этот день вовсе не явь, а страшный сон, крошечный ад. Сквозь застилающую глаза пелену пота он смутно видел мельтешащую впереди черную от копоти и пыли чью-то спину и из последних сил старался не отстать, не потерять ее из вида.

Через пылающую полосу пшеницы он пробежал, не почувствовав ни жары, ни страха. Сбросил с себя скатку шинели. Впереди и сзади бегущих бойцов вздымались минные фонтаны земли с охапками вырванной пшеницы. Здесь хлеб стоял стеной и пока не горел.

Бежать по такому полю стало трудней. Налившиеся спелостью колосья увесисто хлестали по животу, стебли опутывали ноги, застревали в обмотках. Левая обмотка расплелась. Григорий остановился, чтобы отстегнуть, отбросить в сторону тянущуюся за ногой ленту, и в тот же миг чудовищная сила подбросила его вверх, перевернула, потом швырнула наземь. Он не успел ни крикнуть, ни ойкнуть, потерял сознание где-то там, в воздухе, между небом и землей» [2, с. 118-119].

Очнувшись ночью на поле боя, Григорий обнаруживает осколок у самого виска, резкая боль в лопатках не позволяет ему сдвинуться с места даже ползком. «Повезло», – на мгновение подумал Григорий и вздрогнул телом оттого, что и осколок этот был всего в нескольких миллиметрах от смерти, и что, наверняка, находится он, солдат, за линией фронта, в тылу врага, что жить ему все равно осталось до появления первого фашиста, который обнаружит его и пристрелит» [4, с. 120].

Автор последовательно, в деталях описывает первый бой Григория Новикова. Григорий воспринимает события как бы со стороны, выполняет указания командира механически, следуя действиям других бойцов. Ожидание, страх, накотившееся равнодушие, потеря ощущения действительности, тяжелая усталость сменяются состоянием, когда уже не чувствуешь ни жары, ни страха и сосредоточиваешься толь-

ко на своих действиях, осознание неминуемой смерти – это мастерски сделанное, максимально приближенное к действительности описание действий и чувств героя создает образ еще не обстрелянного бойца. Впервые оказавшись в условиях боя, он немного растерян. И все же он находит в себе силы выполнить свою солдатскую задачу – пристрелить вражеского бойца в бою, и нет для него горше мысли, что из-за полученных ран не сможет дать отпор врагу, если придется с ним встретиться на поле, которое уже покинули его боевые товарищи.

Оказавшись в госпитале, Григорий узнает, что комиссар в ожидании наступления поторопился отправить извещение о его гибели родным. Беспокоясь о близких, Григорий просит земляка, оказавшегося с ним в одном госпитале, чтобы сообщил им, что жив, но что якобы ранен легко, поцарапало чуток.

В основе этого эпизода лежит факт биографии отца писателя – Андрея Антоновича. В автобиографии В. Титов пишет: «Ранней весной сорок третьего на Калиновку черным вороньем опустились похоронки. Не минул казенный конверт и нашу избу. Погиб отец. Это было первое жизненное потрясение, сразу уложившее меня в постель. К счастью, известие о смерти отца, командира пулеметного расчета, было преждевременным. Тяжело раненому, ему удалось выбраться с поля боя» [2, с. 4].

Полученное известие о гибели отца осталось в памяти больной зарубкой. В своем творчестве писатель вновь и вновь переживает его вместе с героями своих произведений. Тема солдатских писем и похоронок звучит в рассказе «Сапун-гора», в повестях «Ковыль-трава степная», «В родной земле корням теплее», в «Полых водах».

В повести «Грезы старого парка» ситуацию получения похоронок В. Титов уместает в один абзац. Но в его коротком описании эта картина вырастает до масштабов вселенского горя: «В сорокодворую Калиновку их пришло сразу три. И пока почтальонша, хромоногая придурковатая Кланька, вручала первую похоронку и, испуганная нечеловеческим воем многодетной семьи Прасковьи Березняковой, озираясь, костыляла от двора к двору, все село, свившись в три огромных клубка, выло безысходно и страшно, будто в преддверии всеобщего конца» [4, с. 122].

Автор опускает из повествования факт, что одна из похоронок предназначалась жене Григория Новикова. Мы сразу встречаемся вновь с ней в больничной палате госпиталя, где оказался вынесенный санитарями с поля боя ее тяжело раненый муж. Федор Найденев, односельчанин сестры Григория, сообщил своим родным, что лежит в госпитале с Григорием. Когда это известие доходит до Анны, она спешит лично убедиться в том, что ее муж действительно жив.

Этот эпизод также имеет биографическую основу. Известие о гибели отца В. Титова не подтвердилось. Вскоре пришло письмо из госпиталя, куда попал отец, и мать, оставив старших детей под присмотр соседей, с малышкой-грудничком отправилась в путь, чтобы повидать мужа.

Встречу героев повести В. Титов описывает подробно, в мелких деталях. В этой сцене, конечно же, нашли отражение рассказы-воспоминания матери, в воссоздании обстановки в палате госпиталя в чем-то помог ему и личный больничный опыт. Но это не просто повествование о встрече как событии. В этом эпизоде раскрывается масштаб военной беды, разрушившей мирное течение жизни, характер героев и народный характер в его лучших проявлениях: нравственная чистота и скромность, верность супружескому и военному долгу, любовь к близким и родной земле.

Атмосферу больничной палаты читатель видит через восприятие героини. Стонет заросший черной щетиной человек, рядом в одном нижнем белье, закрывшись руками, с перебинтованной головой сидит другой, размеренно и грузно качаясь взад-перед. Тошнотворно пахнет кровью, йодом, потом. С трудом удастся ей сдержать крик при виде раненого без обеих ног, ампутированных под самое туловище.

Заворочался на ее руках ребенок, она поспешно сует ему в рот марлю с нажеванным хлебом. Среди обилия раненых она не может разглядеть, где ее муж. Григорий откликается на ее зов; словно что-то поняв, ребенок громко плачет. «Доченька, папа твой...живой, Гриша!», – а ноги словно приросли к полу. Григорий царапает рукой стену, пытаясь сесть, кривит лицо в улыбке.

На подмогу подоспел Федор, усаживает Григория, дрожащую, как в ознобе, Анну подводит к кровати.

«Два длинных ряда коек зашевелились ранеными бойцами, десятки глаз устремились на женщину, явившуюся от-

туда, из тихого далека, где, слава богу, не громыхают еще разрывы, не горит земля под ногами, не гуляет вольной птицей смерть. Тоска и боль стояли в этих глазах», – и под этими взглядами Анна, которой хотелось поцеловать мужа в губы, засмушалась, робко присела на краешек постели рядом с ним, протянула мешочек с едой.

Григорий поправляет бинт на лбу, осторожно склоняется над дочерью, целует, долго не поднимает головы, в глазах стоят слезы. Малышке только месяц, и узнав, что у нее еще нет имени, он просит назвать дочь Марией. В честь матери. На вопрос, больно ли ему, отвечает народной мудростью: «Терпимо... Кости целы, а мясо нарастет». И тут же переключается на домашние заботы: расспрашивает, как дети, успели ли выкопать картошку. Он слушает известия о погибших на войне односельчанах и неотрывно смотрит на спящее розовое личико дочери.

«Присмирившие израненные бойцы блуждали тоскливыми и горящими взглядами по потолку, будто в один миг открыла им эта женщина с младенцем на руках что-то огромное и еле достижимое, как сама жизнь и смерть на этой брэнной, а теперь окровавленной земле», – образ Анны в этом фрагменте невольно вызывает ассоциацию с богородицей. Иконки с ее образом вручали мужчинам, уходящим на фронт, женщины и всем сердцем верили в их оберегающую силу.

Узнав, что на побывку солдата не отпустят, Анна решает задать главный, волнующий ее вопрос: «Гриша, войне-то скоро конец?».

– Не скоро, Нюся, – выдохнул Григорий.

На руках у Анны расплакалась дочь, которой пришла пора есть. Мать машинально сунула руку за пазуху, но тут же смущенно отдернула и зарделась лицом. Григорий, оглянувшись по сторонам, махнул рукой: «Повернись ко мне и корми. Они не будут смотреть».

Эпизод кормления ребенка в финале сцены встречи утверждает торжество жизни над смертью и тленом, что несет война: «Тихо всхлипывая, малышка припала губенками к соску, торопливо и громко зачмокала...» [4, с. 123-124].

Войне еще не конец, но они обязательно одержат победу – «бой идет не ради славы, ради жизни на земле».

Готовность бойца сразу после госпиталя вернуться на поля войны – важный биографический факт – заставляет скульп-

птора, работающего над созданием памятника, изменить свое первоначальное художественное решение:

«Скульптор знал теперь, что у левого виска Григория выступает так и не извлеченный хирургом осколок, но воспроизводить его на скульптуре не стал. Выступ на лице ломал линию, размягчал образ. И еще в одном погрешил художник против истины. На фотографии русский чуб Григория был зачесан назад ровным пробором, у каменного солдата он спадал на лоб, делая лицо ожесточенным и хмурым.

Эта вольность скульптора заставила его поломать весь первоначальный замысел.

Там, вылепленный из пластилина, солдат так же стоял в полный рост, с зачесанным назад чубом, с широким лбом, но автомат держал в правой руке, стволом вниз. А потом в одну из бессонных ночей, схватившись с дивана, скульптор подбежал к пластилиновой фигуре и резким движением уложил автомат ему на грудь.

Корчась на диване, изможденный человек судорожно хохотал и хрипло выговаривал:

«Как же я!.. Как же!.. Черт побери, как же я мог! Это же Григорий Новиков!» [4, с. 122-123].

Много раз скульптор начинал все сначала. Но что автомат должен покоиться на груди – это он знал точно.

Победного окончания войны Григорию не придется увидеть. Для него война закончилась в бою за освобождение Ворошиловграда. Последний бой он принял в городском парке им. Горького.

Во время операции по освобождению Луганска от немецко-фашистских захватчиков бойцы боевых соединений героически показали себя на разных участках боев. Однако документы не зафиксировали боев, связанных с парком.

Недалеко от парка находилась центральная часть города, где отметились боевыми подвигами освободители. В сквере Революции установлен памятник на могиле пяти советских офицеров, погибших при освобождении города. 15-16 февраля 1943 года шли бои в районе нынешнего аграрного университета (район, также не очень отдаленный от парка). На территории университета и поселка его учебного хозяйства также есть братские могилы воинов.

Противник пытался выбить советские войска из города, но безуспешно. Части 60-й гвардейской стрелковой дивизии, наступавшие севернее города, отрезали пути отхода противника из Ворошиловграда на запад. В непосредственной близости к парку идет линия железной дороги, теоретически на этом участке могли быть боестолкновения за этот стратегический объект.

Все рядом, недалеко, но все же речь о боях непосредственно в парке не идет. И если в случае более глубоких исследований этого вопроса таковые не обнаружатся, следует признать этот факт как данность. В. Титову, безусловно, это было известно. Почему же эпизод боя за город он привязывает к парку?

Хорошо известны были В. Титову поэтические строки М. Матусовского, чье детство и юность прошли в Луганске. Став столичным жителем, он неоднократно навещал родной город. Вместе с В. Титовым они принимали участие в Днях советской литературы в Подмосковье, были делегатами VI съезда писателей СССР, встречались и в Луганске.

М. Матусовский к открытию парка им. М. Горького в Луганске написал стихотворение, в котором есть строки, известные каждому луганчанину: «Может быть, за эти парки / Луганчане в битву шли». В стихотворении шла речь о битвах периода гражданской войны. За мужество и храбрость, проявленные в этих боях, луганские рабочие были награждены орденом Красного Знамени.

В годы Великой Отечественной войны эти строки получили двойную нагрузку: да, и за свой любимый парк – гордость довоенного города – шли луганчане (ворошиловградцы) на битву с фашистскими захватчиками, а некоторые из них уходили на фронт из ворот этого парка. В парке похоронены в братской могиле воины, погибшие в оборонительных боях за город, и воины – освободители. И по замыслу писателя, герой повести Григорий Новиков обретет вечный покой в этой братской могиле.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что место действия в повести – парк. Так что по совокупности всех фактов для В. Титова было принципиально важно описать бой именно в парке.

Писатель ограничивается одним эпизодом, но в нем разворачивается картина боя за город, детали которой позво-

ляют утверждать, что писатель хорошо изучил документальные источники об операции освобождения Ворошиловграда. Главное же то, что в одном боевом эпизоде он сумел передать напряжение сил воинов-освободителей, их боевой дух и силу воинского братства.

«Зима в том огненном году выдалась суровой и снежной. Стоял февраль, и по стылому, омертвевшему парку кружилась метель, наметая сугробы и снежные перевалы. В голых деревьях выл ветер, злой и колючий. За речкой, за железнодорожным полотном, трещали пулеметы, ухали дальнобойные орудия. Небо распахивали тяжелые самолеты со свастиками на фюзеляжах, шли и шли за город, на восток, в донецкие степи, неся на бортах смертоносный груз. Земля вздрагивала от разрывов, и поредевшие армады ползли по небу назад», – описывает автор обстановку перед боем в парке» [4, с. 209].

«Все на восток, все на восток...». Как не вспомнить здесь Бориса Горбатова, этот его рефрен в книге «Непокоренные»... Знойным летом 1942 года на восток отходили войска Красной Армии и не успевшие эвакуироваться мирные жители. Теперь Красная Армия возвращалась на оставленные прежде рубежи. Но фашистам назад, на захваченные ранее земли, уже не вернуться. И отступать им теперь все дальше и дальше на запад. Отступать с боями, и освобождение родной земли потребует еще много сил и жертв.

Пал смертью храбрых в таком бою Григорий Новиков. В. Титов подробно описывает последний бой своего героя. Пролистаем эти страницы.

С каждым днем гул боя нарастал, становился все отчетливее, в парке появились фашистские танки. Они перли без разбора, напролом, подминая гусеницами кустарники и молоденькие деревца. Трещал на речке твердый, устоявшийся до самого дна лед, снег покрывался черной гарью.

Вслед за танками шли бронетранспортеры и за ними, закутанные поверх шинелей и шапок разноцветным тряпьем, озирающиеся по сторонам, отступающие немецкие солдаты.

Над парком появились два самолета, один наш, другой фашистский, и закружились в какой-то немислимой круговерти. Когда самолет со звездами приближался к земле, немцы, припадая на колени, стреляли в него из автоматов, винтовок, пистолетов – озверело, не жалея патронов.

В какой-то момент краснозвездный истребитель взмыл ввысь, перевернулся через крыло и оказался над фашистом. Раздалась длинная пулеметная очередь, самолет со свастикой вздрогнул и, клюнув носом книзу, с черным шлейфом дыма врезался в железнодорожное полотно. Грянул взрыв, колыхнулась земля, испуганно дрогнула верхушка Великана.

Через несколько дней к железной дороге подошли наши войска. Передовые отряды перемахнули через разрушенное полотно, пластаясь по снегу, пересекли речку, и в парке закипел кровавый бой за каждое дерево, за каждый кустик. Фашисты оборонялись с каким-то обреченным упорством. Снег между деревьями почернел, превратился в сплошное месиво с землей, ветками, со щепой от простреленных стволов, чадил пороховой гарью.

В этом бою Григорий Новиков – это уже прошедший школу боевой жизни воин. Он осторожен, действует осознанно, оценивает обстановку, обдумывает каждый шаг.

Несколько раз солдаты взвода под командованием Иноземцева предпринимали атаку, но из-за шквального огня немецкого пулемета, укрывшегося за могучим дубом, вынуждены были залечь за деревьями. Черный снег с обеих сторон покрывался недвижимыми телами.

Сержант Милютин со связкой гранат решил подползти к дубам с тыльной стороны и попросил Григория прикрыть его. Григорий сечет по пулеметам в надежде хотя бы отвлечь их. Позиция у него неудобная: впереди мешали березы и осины, достать напрямую автоматным огнем вражеские пулеметы невозможно. Он видел, как барахтается в снегу сержант, еще не замеченный немцами, бросить гранату ему не позволяло расстояние.

Григория тянул к себе магнитом тополь Великан – укрытие хорошее и по фашистам можно бить напрямую. Броском он перекинул свое тело под тонкоствольный кленок, торчащий перед дубом. Над каской взвизгнули пули... До тополя было уже рукой подать.

«Ползи, сержант, ползи, милый! Метров через восемь-десять можно бросать гранаты. А если встать, то и сейчас...», – пронеслось в голове Григория, когда он готовился сделать последний бросок к тополю.

Сержант, поднявшись во весь рост, бросил гранату. От взрыва дрогнули дубы. Пулемет замолчал, но когда Новиков достиг тополя и задние ряды бойцов поднялись в атаку, вновь застрочил. Первая очередь скосила сержанта, пули с хрустом шлепнули по стволу тополя.

В атаку пошли с трех сторон. Григорий решает довести до конца дело убитого сержанта: «Выбежал из своего укрытия и Григорий, мчал во весь рост, прямо на пулемет, скрежеща зубами, дергал чеку на гранате. Он выдернул ее и, замахнувшись, бросил, видел, как она летит, обрадовался, что в цель». Но и его не минула фашистская пуля.

– Когда в левой части груди чем-то кольнуло, как вкопанный остановился, чувствуя, что ноги подгибаются, к голове приливает кровь и темнеет в глазах.

Ему кто-то вспарывал ватник, холодной рукой ощупывал грудь и все приговаривал:

– Гриша, Гриша, Григорий...

На миг почудилось, что это мать. И, проваливаясь в бездну, почувствовал, как где-то внутри, во всем теле, вспыхнул яркий, ослепительный свет, на ромашковую лужайку выбежал босоногий Петька, и отчетливо прозвучал голос жены:

– Гриша, трое их у нас теперь...» [4, с. 209-211].

До конца выполнил свой долг солдат. И суждено ему было встать в вечном карауле у братской могилы таких же, как он, своих боевых товарищей, нашедших вечный покой в городском парке, который они освободили от фашистской нечисти. Стать памятником...

Через много лет сын Григория Новикова привозит мать на могилу отца. С ними жена Петра и внук погибшего солдата. Майор танковых войск, подняв мать, припавшую на колени у могилы, стоит у каменного изваяния с непокрытой головой. Объяснив сыну, что здесь похоронен его дедушка, землепашец, солдат, он просит его помолчать минуту.

Мать рассказывает Григорию, как, ожидая его, все глаза на дорогу проглядела. А тем временем дети его вырасти успели, уже и внуки подрастают. Петр своего сына Гришей назвал. В честь отца. Марийке, с которой только в госпитале он успел повидаться, с мужем не повезло, да еще и деток нет, может, потому и разлад. Мишатка агрономом стал – в отца пошел. Она помогает ему деток растить, души в них не чаёт, переживает, кто за ними присмотрит, если вдруг помрет

в одночасье – родители ведь с утра до ночи в поле. И еще об одном печалится мать: похоронят ее хоть и в родимой земле, но вдалеке от мужа, и тогда уж навеки разлучат.

Закрыв лицо руками, она заголосила, запричитала безутешно и горько. Успокоившись, достала из-за пазухи платок, развернула его, прижалась губами к горсти сухого чернозема и осторожно высыпала землю на могилу.

Приход на могилу погибшего воина его сына и внука несет большую смысловую нагрузку, символизируя собой эстафету памяти поколений. Писатель убежден, что необходимо прививать, что называется, с младых ногтей чувство гордости и уважения к подвигу дедов. У внука Григория Новикова это чувство зарождается здесь, у могилы деда: «Они возвращались назад по той же аллее, в том же порядке, и мальчуган все оглядывался на каменного солдата, словно хотел что-то запомнить и унести в детской памяти с собой нечто важное для себя и, может быть, на всю жизнь» [4, с. 214-215].

К каменному солдату в парке часто навевается пожилая женщина. Обмечает автомат, сапоги, сметает снег с могильных плит. На грубый совет не гнуть горб за бесплатно, долго смотрит она советчику вслед, а затем переводит взгляд на каменного часового и, перекрестившись, тихо говорит:

– Вот и за могилкой Илюшеньки добрые люди присмотрят на чужой сторонушке.

Чтобы передать неизбежное горе матери, которая не может прийти на могилу сына, В. Титов с устойчивого словосочетания «Все глаза выплакала» как бы стирает патину, обнажая его жесткую суть: «Лицо ее болезненно сморщилось, глаза оставались сухими, но она сняла варежку и туго вытерла их» [4, с. 119].

Не зря появляется в повести образ советчика. У таких вот советчиков и выросли потомки-манкурты, корней не помнящие, у которых поднимается рука крушить святые могилы.

В восьмидесятые годы отношение молодежи к памяти о погибших в сражениях Великой Отечественной войны не перестало волновать прозаика. В последней его повести в парке, как и на Сапун-горе в одноименном рассказе звучит джаз, горластые песни, возникающие то тут, то там, глушат всей своей транзисторной мощью магнитофоны.

А у братской могилы ведут спор трое в пыжиковых шапках парней. Одному из них не нравится, что в парке отдыха

помещена братская могила – в другом, более подходящем месте с самого начала надо было устраивать захоронение. Какой может быть отдых среди могил?

Второй, Антон, – только его писатель называет по имени – пытается вразумить коренастого парня, попыхивающего сигаретой с длинным коричневым мундштуком: «Ты понимаешь, что они отдали жизнь за эту землю, за эти деревья, за то, наконец, что мы, сытые, довольные, здоровые, шаландаемся здесь, да еще ворчим... Видишь ли, мешают отдыхать. Чем мешают?» [4, с. 125].

Выясняется, что из близких парня никто не воевал, дед и бабушка лет десять назад мирно почили. Третий из компании, стремясь уйти от конфликта, недоумевает, какая разница, где стоит эта глыба (памятник). Что называется, пришли отдыхать, звонких рифм набраться – набирайте.

Но Антон не может успокоиться: «Мирно почили...», – жестко передразнил он. – А моих фашисты в сарай загнали, бензином полили и заживо сожгли. За помощь партизанам. И могил нет. Понимаешь – нет. Ветер пепел по миру развеял. Вот так-то...» [4, с. 126].

Пыжиковые шапки, сигарета с длинным мундштуком, сытые, довольные, здоровые люди, действие разворачивается на фоне громких песен и джазовой музыки, поход в парк за рифмами – все эти детали создают картину мирной, благополучной жизни внуков тех, кто отстаивал их право на жизнь.

Складывается впечатление, что В. Титов намеренно напоминает нам схожую коллизию из рассказа «Сапун-гора». В рассказ «Сапун-гора» он вводит эпизод с появлением на мемориале компании парней с включенным на всю мощность транзисторным приемником, из которого раздавались звуки джаза. Джаз резал слух и казался кощунственным.

Тщедушный мужчина со шрамом во всю щеку, от уха до подбородка, требует выключить приемник и на грубость в ответ на свою просьбу отвечает: «Меня фашист к стенке под такую... а ты здесь... на святом месте!» [8, с. 197].

Прошло время, и мальчики 60-х годов с первыми транзисторами в руках выросли, в руках их детей гремят магнитофоны. И если первые позволяли себе веселиться у святых могил, то вторые готовы и сами могилы убрать от своих глаз подальше. Конфликт поколений усилился. И сегодня мы как

никогда понимаем, как прав был писатель в своих опасениях по поводу этой тенденции.

И все же связь между поколениями не рвется. Носителями этой духовной связи являются тот же Антон и ребята-выпускники в рассказе «Сапун-гора», которые пришли попрощаться с городом, друг с другом. В пятом классе они сажали на склоне Сапун-горы деревья, и вот уже получили аттестаты. Один из них предлагает встретиться здесь через три года, сверить свои компасы.

И джаз не смог вытеснить из жизни старую песню о войне. В рассказе она звучит как настрой к тому, что услышат участники поездки в Севастополь на Сапун-горе. В повести – как напоминание о тех, кому новые поколения обязаны своим счастьем.

«Через деревянный мостик, втягиваясь лентой в сиреневую аллею, по направлению к каменному солдату двигалась свадьба... Приблизившись к каменному изваянию, свадьба остановилась и притихла. Пожилой мужчина, вероятно, отец кого-то из молодоженов, строго одернул на себе пиджак, легонько подтолкнув супругов в спины. Первым шагнул жених, за ним робко ступнула невеста. К каменным сапогам солдата легли цветы.

Молодожены на несколько шагов отступили и склонили головы. Пожилой человек выпрямился, вновь одернул пиджак, на нем, сверкнув на солнце, звякнули медали. К свадьбе со всех сторон парка потянулись отдыхающие, окружили молчаливым кольцом. Наперед выдвинулся аккордеонист, немного помурлыкал на басах, клацнул регистром, вздохнул тревожным аккордом.

«Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят...».

Молчала свадьба, молчали люди, застыли все, как солдаты при выносе полкового знамени, но звучал аккордеон, и белым пламенем светилась в солнечных лучах фата невесты.

«Как много их, друзей хороших, лежать осталось в темноте...» [4, с. 235-236].

Как видим, разрабатывая тему Великой Отечественной войны в повести «Грезы старого парка», В. А. Титов возвращается ко многим её аспектам, которые нашли отражение в других его произведениях. Это проводы мужчин на войну, тяжкий солдатский труд, разрушенные войной человеческие судьбы, горе женщин, потерявших своих близких, сиротство детей, голод и разруха, напряжение всех сил народных, па-

мать о погибших, преемственность поколений и взаимная ответственность их за мир и добро на планете. Но только в этом произведении он берется за описание картин боя. Это локальные бои, которые описывает писатель через призму восприятия героя. И эти эпизоды без всякого сомнения – его дань боевому прошлому отца.

Писатель пишет о том, что пережил и прочувствовал сам или узнал из рассказов близких ему людей, из печатного слова. Однако взгляд его с высоты прожитых лет стал острее, мудрее, что определило емкость художественных обобщений, публицистическую остроту и философскую глубину его размышлений.

В «Грезях старого парка» подвиг отцов – нравственное мерило отношения не просто человека, но человечества к миру, его ответственности за сохранение цивилизации на планете: «Кошунственно завидовать судьбе твоей, каменный солдат. Но кто на наших могилах поставит крест или камень в изголовье? И заслужим ли мы этого, оставим ли после себя былую материю, составляющую основу нашей жизни, основу основ мироздания?» [4, с. 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Слабошпицкий М.Ф. Нравственные твердыни человека / М.Ф. Слабошпицкий // Титов В. А. Грезы старого парка: Повести. – К.: Радянський письменник, 1988. – С. 5-14.
2. Титов В. Автобиография. – Машинопись. – Луганск, 1985 г. – 14 с.
3. Малахута Н. Освідчення рідному краю / Н. Малахута // Молодогвардеец. – 1972. – 15. 04.
4. Титов В. Грезы старого парка. // В. Титов / Грезы старого парка: Повести / Сост. Р.П. Титова; Вступ. Ст. М.Ф. Слабошпицкого. – Киев: Радянський письменник, 1988. – С.14-273.
5. Мар Н. Когда отступает смерть/ Н. Мар – Москва: Знание, 1968. – 64 с.
6. Ночовный Н. В., Плиско Г. Г. Мемориал политработникам. Путеводитель / Н.В. Ночовный, Г.Г. Плиско – Донецк: Донбас, 1982. – 16 с.
7. Титов В. Автобиография. – Машинопись. – Луганск, конец 70- годов XX века. – 3с.
8. Титов В. Сапун-гора /В. Титов В. //Ковыль-трава степная. Повесть. Рассказы. – Москва: Советский писатель, 1971. – С. 188-199.